



DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-1-44-61

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*Д.А. Гусенова*¹

К постановке проблемы
Мусульманский город:
специфические особенности
Фактор религиозного экстремизма и
радикализма
Заключение

Поступила в редакцию: 10.05.2024
Передана на рецензию: 15.05.2024
Получена рецензия: 07.06.2024
Принята в номер: 30.06.2024

**Мусульманский город на туристической карте России: основные проблемы
и перспективы развития**

Дагестанский государственный университет; gusenowa03111978@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности мусульманского города как туристического пространства, спецификация которого обусловлена особенностью исламского вероучения. Теоретические наработки немецкого социолога Макса Вебера по поводу социологии города, его экскурс в историю образования городов и городского управления, позволили нам объяснить сохранившиеся в городской культуре Дагестана традиционализм и консерватизм, которые по определению должны быть более характерны для сельской общины, но распространены среди горожан и выступают сдерживающим фактором развития туризма. В качестве подтверждающего фактологического материала выступают приведённые результаты пилотажного исследования, показавшие некоторую озабоченность различных категорий респондентов по поводу роста турпотоков, которые могут привести к социальной напряжённости в регионе. Проводимая в республике политика по развитию туристической отрасли, шаги, которые предпринимаются правительством и ведомствами – всё это напоминает «иорданский сценарий» развития туризма, который является тупиковым для Дагестана и может спровоцировать протестные настроения в беспокойном и без того регионе.

Ключевые слова: туризм, развитие туризма в Дагестане, мусульманский город, социология города, социология туризма.

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-44-61

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

*Д.А. Гусенова*²

To the problem statement.
Muslim City: specific features.
The factor of religious extremism and
radicalism.

Received: 10.05.2024
Submitted for review: 15.05.2024
Review received: 7.06.2024
Accepted for publication: 30.06.2024

¹ *Джамия Адамкадиевна Гусенова* – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета.

² *Djamiya Adamkadiievna Gusenova* – Cand. Sc. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy and Social and Political Sciences of Dagestan State University.

Conclusion.

The Muslim City on the Tourist Map of Russia: the Main Problems and Future Development

Dagestan State University; gusenowa03111978@yandex.ru

Abstract. The author considers some features of the Muslim city as a tourist space determined by the peculiarities of the Islamic creed. The theoretical studies by the German sociologist Max Weber on the sociology of the city, his historical digression regarding urban formation and urban management allow to explain the traditionalism and conservatism preserved in the urban culture of the Dagestan city. By definition, they should be more characteristic of a rural community, but are common among city residents acting as a deterrent to the development of tourism. The results of a pilot study presented by the author serve as supporting factual material demonstrating some concern among various categories of respondents at the growth of tourist flows, which may lead to social tension in the region. The author notes that the current policy on the development of the tourism industry resembles the "Jordanian scenario", which may be a stalemate for Dagestan and can provoke protest sentiments in an already troubled region.

Keywords: tourism, tourism development in Dagestan, Muslim city, sociology of the city, sociology of tourism.

К постановке проблемы

Не секрет, что для туристических дестинаций особенно важны объекты, в которых находят отражение духовный облик и внутренний мир человека. Речь идет о сакральных объектах культуры, которые в конечном счете способны уберечь человека от обезличивания, помочь ему ощутить связь времен и поколений, получить поддержку, необходимую в трудную минуту. Потому знакомство с инокультурной средой, её религией, укладом, гастрономией и т. д., является важной и наиболее востребованной частью программы туристического маршрута. Без посещения духовных и культурных центров поездка не рассматривается как целостная, завершённая. Поэтому представляется, что условная туристическая карта России может «маркироваться» не только по линиям административных округов и муниципальных образований, но и по тематическому содержанию (например, религиозному), позволяющему в полном объёме увидеть всё культурное многообразие нашей страны и связать воедино даже отдалённые друг от друга регионы.

При всей очевидности отличия мусульманского города как туристического пространства от всех остальных, на теоретико-методологическом уровне этот вопрос остаётся не осмысленным в контексте российской действительности. Исторически российское социокультурное пространство формировалось как полиэтничное и поликонфессиональное образование, в котором мусульманская культура гармонично сосуществовала с православно-христианской доминантой. При этом долгое время не наблюдались интенсивные пространственные перемещения, и народы в подавляющем большинстве только по необходимости (торговой, образовательной, по причине ссылки и т. д.) выезжали за пределы своего региона.

Исследователи туризма могут здесь возразить и напомнить, что в советское время хорошо налаженный курортно-оздоровительный сегмент, замещавший нынешний туристический, способствовал активному межкультурному обмену. Но дело в том, что в советское время подавляющее большинство граждан, отдохнувших в национальных республиках, размещались на территории курортов и санаториев, которые были

относительно закрытыми и охраняемыми учреждениями, не предполагающими массового тесного межкультурного взаимодействия.

Таблица 1

Являетесь ли вы религиозным человеком?



В современных условиях активных миграционных процессов и роста популярности туристических поездок, возросла интенсивность межэтнических и межконфессиональных контактов, и соответственно противоречий. Стали очевидными отличия менталитетов, традиций, правил, устоев, различное понимание уместности/неуместности некоторых поступков в публичном пространстве и т. д. Это сказалось на социальном самочувствии обеих сторон: принимающей и прибывающей. С целью опосредованного выявления ключевых маркеров социального самочувствия принимающей стороны через отношение к туристам в феврале 2024 года мы провели пилотажное (первичное) социологическое исследование – опрос среди махачкалинцев, охвативший 196 человек.

Вопросы формулировались по наиболее часто встречающимся комментариям-возмущениям в адрес туристов в дагестанских пабликах, а именно, по поводу дресс-кода туристов, резкого повышения цен и общей нравственной атмосферы в республике. Опрос проводился электронным способом с использованием Яндекс-формы³. Возрастной состав: 1) до 15 лет – 0; 2) 16–25 лет – 6,7 %; 3) 26–36 лет – 6,7 %; 4) 37–55 лет – 60 %; 5) более 56 лет – 27,6 %. Учитывая нашу исследовательскую задачу и ограниченное число опрошенных, мы не можем утверждать, что получили срез общественного мнения. Мы и не ставили такой цели, поскольку считаем это темой отдельной статьи. Но это позволило нам выявить ряд проблем в этой области и в статье мы попытаемся рассмотреть некоторые из них.

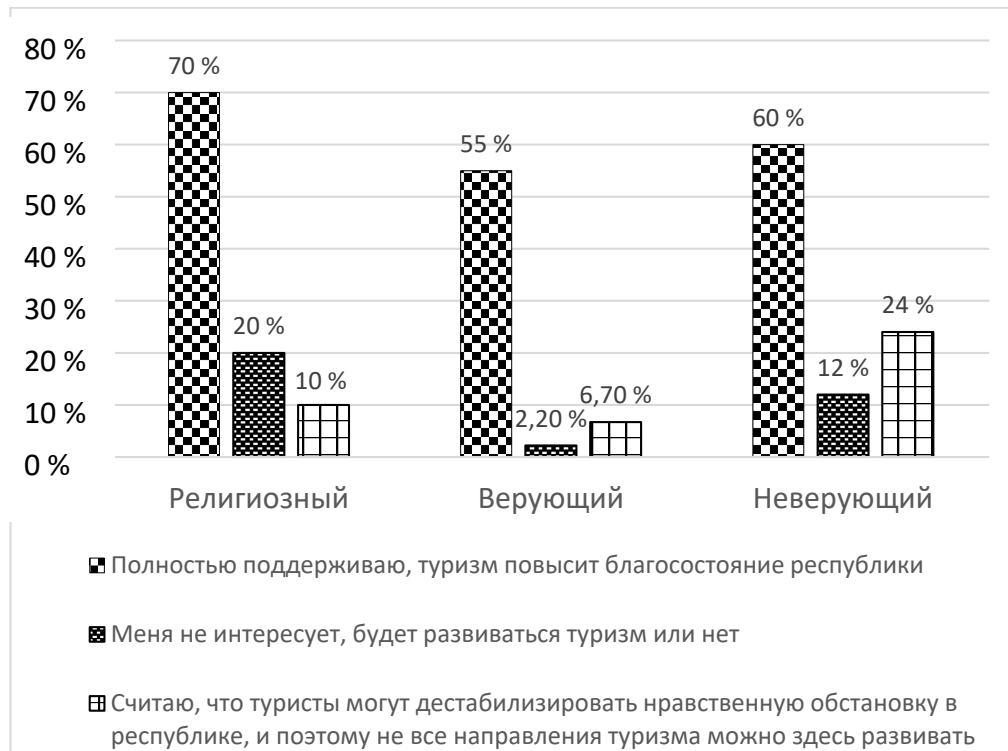
В нашем исследовании респонденты были поделены по степени религиозности, потому что нас интересовало социальное самочувствие дагестанцев. К категории «Я верующий, но религиозные предписания выполняю лишь по возможности» отнесли себя 60

³ <https://forms.yandex.ru/u/6484d8ddeb6146198182bae7/>

% опрошенных. К категории «Да, я религиозный и стараюсь исполнять все предписания» отметили – 22 %; и к категории «Я неверующий и не исполняю никаких религиозных предписаний» – ответили 17,8 % респондентов (см. табл. 1). В дальнейшем, наш анализ социологических опросов опирался на эти три категории респондентов.

Таблица 2

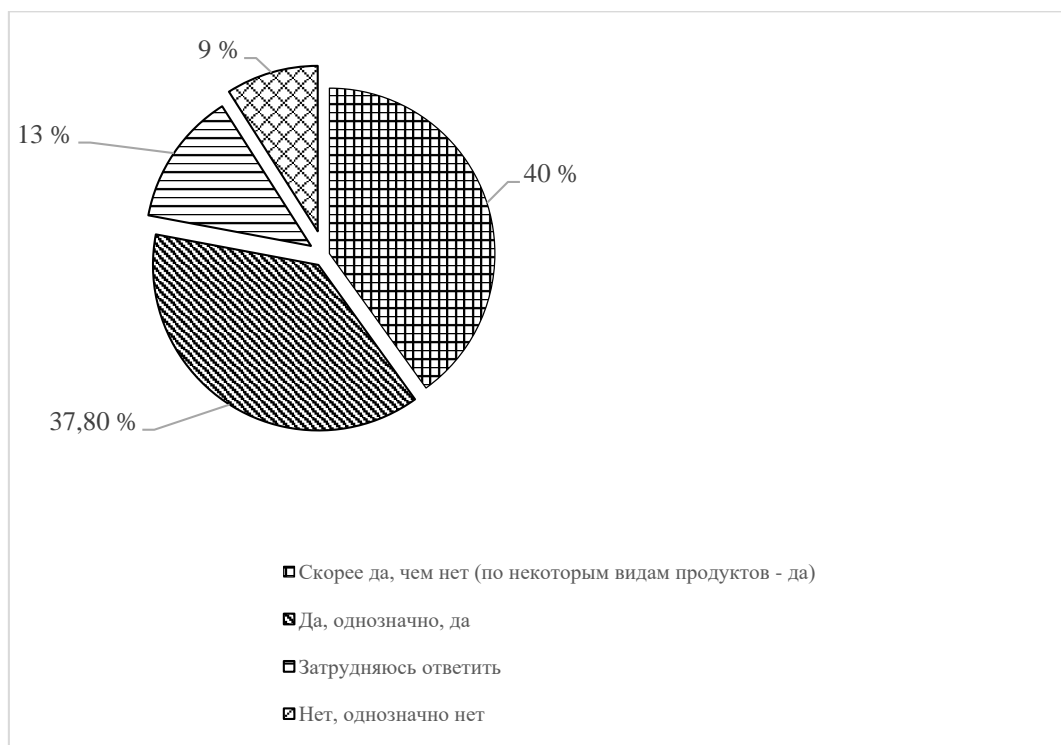
Как Вы относитесь к тому, что в республике начал развиваться туризм и в регион приезжают люди из других регионов и других культур?



Наше исследование показало, что у всех категорий опрошенных имеются опасения по поводу того, что «туристы могут дестабилизировать нравственную обстановку в республике, и поэтому не все направления туризма можно здесь развивать» (см. табл. 2). Однако интересно то, что так считают 24 % «неверующих», и всего 10 % «религиозных». Возможно, что эти опасения не имеют прямого отношения именно к религиозной идентичности и больше увязаны с общим консервативным настроем самих респондентов. При всей очевидности экономической целесообразности развития туризма в Дагестане в этом существуют определённые социальные риски.

Таблица 3

Считаете ли вы, что подорожание цен на некоторые продовольственные товары и услуги – результат наплыва туристов?



Эти социальные риски не в последнюю очередь связаны с общим ухудшением материального благополучия респондентов из-за высокой инфляции, подорожания которые они увязывают с «наплывом» туристов (см. табл. 3). Мы не стали при рассмотрении этого вопроса разделять опрашиваемых по категориям и поэтому отразим общую картину.

Однозначно, что рост цен не связан с туристами ответили только 9 % опрошенных. «Да, однозначно, да» ответили 37,8 %; «Скорее да, чем нет (по некоторым видам продуктов – да)» – 40 % и затруднились ответить 13 % опрошенных. Нам представляется, что в этой позиции респондентов заложен определённый потенциал для возможных протестных настроений.

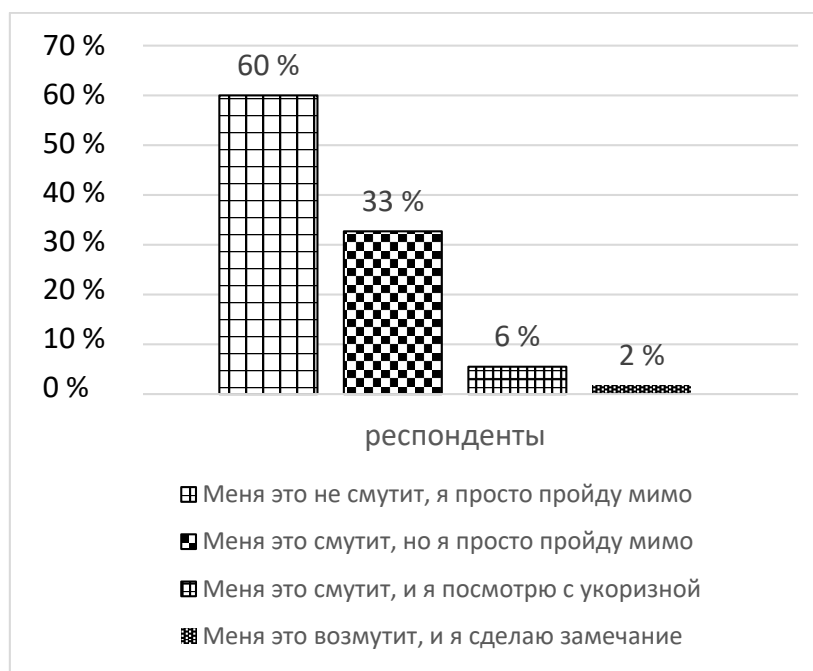
И ещё один вопрос, который нас интересовал: «Смутит ли Вас ситуация, когда Вы идёте по улице и видите туриста/туристку в коротких шортах и с глубоким декольте (у женщины)? Как Вы поступите в таком случае?» (см. табл. 4). Обратим внимание, что процент тех, кого смутит данная ситуация достаточно высок – 40 %. Это укрепляет нас во мнении, что среди опрашиваемых махачкалинцев достаточно много людей, придерживающихся консервативных взглядов.

Какие выводы можно сделать из результатов этого небольшого опроса? Во-первых, несмотря на территориальную принадлежность к городу и вроде бы априори к городской либеральной культуре, среди опрошенных относительно высок процент тех, кто демонстрирует консервативные традиционалистские взгляды, которые больше присущи сельским жителям. Во-вторых, несмотря на широкую социальную поддержку среди респондентов развития туризма в Дагестане, тем не менее, у значительной части существует убеждённость, что развитие этой отрасли сказывается негативно на их собственном материальном благополучии. В-третьих, опрошенные высказали существующую в

дагестанском обществе обеспокоенность тем, как развитие этой сферы услуг скажется на социальном самочувствии дагестанцев.

Таблица 4

Смутит ли Вас ситуация, когда Вы идёте по улице и видите туриста / туристку в коротких шортах и с глубоким декольте (у женщины)? Как Вы поступите в таком случае?



В исследовании мы сфокусируем внимание на этих трёх ключевых выводах, не останавливаясь подробно на туристических достопримечательностях региона, сделаем акцент на специфике его развития в условиях обременения религиозной обусловленностью, которую Макс Вебер назвал доминантой хозяйственной этики.

Мусульманский город: специфические особенности

Социально-экономические особенности. В современной научной литературе большинством исследователей на понятийном уровне признаётся феномен «мусульманского города», как сформировавшегося под влиянием ислама на его архитектуру, хотя мы не обнаружили подробного анализа его отличительных черт. Наиболее теоретически обоснованной можно считать предложенную М. Вебером концепцию исламского и западноевропейского средневекового города, в которой он описывает его структуру в связи с влиянием религиозных идей на общественную жизнь и хозяйственную деятельность людей. Вебер считал, что города исламского Востока в строгом смысле этого слова лишь поселениями. Поэтому, говоря о мусульманских городах как об аутентичном социокультурном пространстве, мы попытаемся обозначить эти отличительные особенности.

Пользуясь классификацией М. Вебера, можно отметить, что мусульманские города исторически в подавляющем большинстве были торговыми, ввиду своего удачного расположения на Великом шёлковом пути, по многочисленным ответвлениям которого, собственно, и происходило распространение исламского вероучения. Если говорить о специфической особенности этих городов, то для них характерен такой исторический тип

городского поселения в котором «городская земельная рента, обусловленная монопольным „положением на торговых путях” земельных участков в городе и, следовательно, косвенно имеющая своим источником именно городское ремесло и торговлю, стекается в руки городской аристократии... Такой город экономически является не городом землевладельцев, живущих на ренту с имений, а городом торговым или ремесленным, в зависимости от преобладающего характера занятий его жителей» [6, с. 14].

Нами в более ранних исследованиях уже отмечалось, что в коранических текстах упоминаются представители различных сфер деятельности, в том числе имеющие отношение к государственной власти, к оккультной, духовной и торговой деятельности, поэты, врачеватели, пастухи, собиратели жемчуга, мореплаватели и т. д. [7], и почти не упоминается ремесленничество, хоть как-то связанное с земледелием. Основным источником дохода в таких городах является «рента с городских земельных участков... выплачиваемая городскими предпринимателями за владение домами» [6, с. 15]. Вебер считал, что покупательная способность в таких городах «складывается не из подати с городских доходов, а из доходов от аренды земли вне города» [6, с. 15], когда крупные потребители: аристократия или городское чиновничество получают доход от выгодной продажи в розницу иногородних товаров на местном рынке, либо занимаются сбытом товаров местных производителей вне города, либо приобретают иногородние товары и сами вывозят их, пользуясь иногда складами в данном городе. Поэтому не всегда зажиточная прослойка населения, изымающая доходы с городских предпринимателей, территориально имела отношение к самому городу: они могли селиться за городом или жить совсем в другом регионе. Для обеспечения безопасности при городском строительстве «территориально обособленный укрепленный военный лагерь был расположен рядом с базаром» [6, с. 31]. В таких городах «конкурентом светского господина бурга или города иногда становился главный священнослужитель храма или правитель города, являющийся духовным лицом, ибо территории вокруг храмов богов, пользовавшихся широкой известностью, предоставляли межэтнической, а, следовательно, политически незащищенной торговле сакральную защиту, и на нее могло опираться поселение городского типа, которое экономически поддерживалось храмовыми доходами» [6, с. 33].

М. Вебер утверждал, что в политико-управленческом смысле на Востоке города, городские общины существовали в зачаточных формах за некоторым исключением, поскольку несмотря на то, что они (города) обладали и крепостями, и ремесленно-промысловыми центрами, для них не было характерно наличие «обособленного сословия бюргеров», автономного управления, отсутствовали «корпоративный характер города, а также понятие гражданина города в отличие от жителя села» [6, с. 35], тогда как на Западе в городах всё это имело место. В том же «Китае житель города был в правовом отношении частью своего рода, а через него — своей родной деревни; в ней находился храм предков, связь с нею он тщательно поддерживал» [6, с. 36]. Это же было характерно и для городов арабского побережья времён пророка Мухаммеда (в том числе и Мекки) – типичных родовых поселений [6, с. 43]. По крайней мере вплоть до начала XIX века «правители и их должностные лица вынуждены были считаться с ...возможной обструкцией старейшин крестьянских родов, корпораций купцов и других профессиональных ассоциаций городов» [6, с. 43–44].

Межплеменные распри в Мекке, по утверждению М. Вебера, сдерживались необходимостью поддержания негласного соглашения о мире и о распределении возможностей на получение доходов от организации паломничества (хаджа). Отсутствие хоть какой-либо ассоциации, способной превратить город в единую корпорацию,

подмечено социологом не только в отношении Мекки, но и Константинополя со времени исламского господства и вплоть до современного Веберу XIX века, когда «наряду с чисто военными объединениями янычар и сипотов с религиозными организациями улемов и дервишей в качестве представителей интересов горожан выступали только купеческие гильдии и цехи, но не было представительства города как такового» [6, с. 47].

Это тот случай, когда сельская община более организована, автономна и влиятельна, чем городская. [1]. Аналогичной является ситуация и в Дагестане, когда значительная часть городских жителей поддерживают связь с родным аулом, *тухумом*, осуществляют погребение покойных в родном селе, а порой даже сохраняют прописку там. Поэтому в дагестанских городах либеральные идеи, которые свойственны городской культуре, не столь выражены и распространены.

М. Вебер усматривал причину этих процессов в специфике самой религии. «Христианская община была по своей глубочайшей сущности конфессиональной ассоциацией верующих индивидов, а не ритуальной ассоциацией родов» [6, с. 66]. В отличие от ислама, который не сумел преодолеть «земляческую солидарность арабских племен и родовые узы, так как в первое время был религией войска завоевателей, разделенного на племена и роды» [6, с. 62], христианство сумело разорвать родоплеменные отношения и лишить «род всякого ритуального значения» [6, с. 66], выстроив через это преодоление конституированную автономную городскую общину.

Добавим здесь, что проблема обособленного существования этноконфессиональных общностей внутри городской общины была актуальна и в отношении евреев, переселившихся в Европу. На них, как и на мусульман, с одной стороны, возлагались религиозные запреты вступать в брак с иноверцами, и в социальной практике это привело к обособлению еврейских общин, в результате чего они не смогли ассоциироваться с городским сообществом, поскольку оставались под влиянием религиозных лидеров. С другой стороны, в самих европейских государствах существовали запреты на замещение евреями ряда государственных должностей, что отягощало их обособление. Именно в различных религиозных запретах Вебер усматривал причину того, что мусульманские города в подавляющем большинстве не смогли избавиться от бремени родовых уз и не пошли по пути формирования набора привилегий по территориальному принципу принадлежности. Поэтому мы сегодня имеем в городском пространстве Дагестана значительное число консервативно настроенных горожан, в недостаточной степени готовых к социализации в мультикультурной среде. А туризм – та сфера деятельности, которая может развиваться только в такой среде.

Если даже отбросить идею специфики мусульманского города как аутентичного социокультурного пространства и для «чистоты эксперимента» сосредоточиться на особенностях проживания мусульман в инорелигиозной среде, то инструментальную помощь здесь окажут различные архивные материалы, статистические данные и переписные листы проживания мусульманских общин в русских регионах Российской империи. И хотя интенсивное развитие региона должно способствовать более высокому уровню урбанизации населения, на практике на примере мусульманской общины Тобольской губернии Брюханова Е.А. и коллектив авторов показали, что, напротив, это привело к «образованию и институционализации отдельных этно-конфессиональных сообществ и диаспор в городах» [5, с. 136].

Исследуемая мусульманская диаспора в Тобольской губернии формировалась в XIX веке из-за обязанности молодых людей проходить военную службу, а также института ссылки. Авторы на основании анализа статистических данных по численности мусульман в уездах и городах Сибири, проведенного по материалам переписи 1897 г., проследили занятость большей части мусульманского населения – это «торговля, извоз, служба в

вооруженных силах и работа в сфере обслуживания» [5, с. 143]. Они отмечают, что для мусульманских общин «было характерно, с одной стороны, стремление к сохранению семейных традиций, религии и культуры, с другой – городской образ жизни и вовлеченность в экономику городов» [5, с. 147]. Занятость значительной части мусульман в торговле отмечена в Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., из которой следует, что «большинство инородцев (41,6 % в Москве и 40 % в Петербурге) было занято в области торговли» [10, с. 237]. Берснева И.В. также отмечает, что мусульманские диаспоры, прежде всего татары, в крупных мегаполисах России в силу своей слабой урбанизации были относительно малочисленны, несмотря на внутреннюю политику инкорпорации в социальную среду полиэтничной Российской империи, и что, «на протяжении длительного времени проживали довольно компактно и обособленно в центральных частях столичных городов, а сферой их интересов была по преимуществу торговля» [4, с. 14].

Добавим к этому и тот факт, что мусульманский город – это ещё и определённый набор продовольственной продукции и кухня, дозволенные исламом, на что указывают современные исследования [12–13]. Так называемая халяльная продукция основными потребителями которой являются мусульмане – один из строго соблюдаемых религиозных канонів. Ещё в период существования Российской империи у мусульманских общин в столичных городах, к примеру в Петербурге, «имелись собственные конейбойни и мясные лавки» [3, с. 164].

В сегодняшней действительности урбанизационные и модернизационные процессы стирают этнокультурные различия между городами. Потому с точки зрения туристической дестинации становится важным то, какое впечатление пытается произвести, какие эмоции вызвать тот или иной город, регион, туристический продукт.

В советский период исследования, направленные на изучение городов или регионов с преобладающим мусульманским населением с точки зрения влияния ислама на формирование и планирование городского пространства, практически не велись [9]. В научной литературе зачастую мусульманский город «узнаётся» через так называемые «махалля» или магалы, которые обретают современный смысл в качестве городского «квартала». И таких населённых пунктов немного в России. В пример можно привести Дербент, сохранивший в старой части города свою самобытность. Если обратить внимание на строительный массив других дагестанских городов: Махачкалы, Буйнакска, Хасавюрта, Кизилюрта и т. д., то невооружённым глазом видно значительное преобладание индивидуальных построек над многоквартирными домами как архитектурное воплощение сельской общины в городском пространстве.

Мусульманские города исторически имели свои архитектурные строения светского и религиозного предназначения. Главным культовым сооружением, указывающим на религиозную принадлежность является мечеть. К числу имеющих религиозное значение и представленных во многих мусульманских регионах можно отнести и такие архитектурные сооружения, как медресе и мактабы (мусульманские учебные заведения), ханака, текие (суфийская обитель), завия (келья), мавзолей, зиярат (усыпальница святого). К.Х. Стародуб, описывая особенности исламского зодчества, подметил в нём принцип «скрытой архитектуры»: глухие фасады, которые скрывают разнообразно оформленные помещения, открытые во внутренний двор с фонтаном, водоемом, цветущей зеленью [14].

И если на заре зарождения ислама «культовые здания были просты и функциональны» [2, с. 8], то в наши дни наблюдаются иные тенденции. С. Мозер, исследовав новые мусульманские города: Путраджайе (Малайзия), Грозный (Чеченская Республика) и Масдаре (Объединенные Арабские Эмираты) [21], в каждом из них

обнаружил внимание к воссозданию чувства «религиозности через архитектуру и планирование», когда каждый из указанных городов «стремился к отличительному „исламскому” стилю там, где его раньше не существовало» [21]. Автор обозначил это как продукт «панисламистского воображения», свидетельствующий «не о росте мусульманского фундаментализма, а об использовании ислама для решения светских вопросов, связанных с государственным строительством, соперничеством с конкурирующими группами...» [21]. В этом просматриваются и попытки со стороны региона заявить о своей антиглобалистской позиции.

Фактор религиозного экстремизма и радикализма

Как известно, такие социальные феномены как традиционализм, консерватизм, радикализм, экстремизм и терроризм, являются идеологическими, отличающимися помимо своей идейной составляющей, поставленных задачи и конечной цели, ещё и степенью крайности взглядов. Поэтому традиционализм, «законсервированный» исламом в мусульманских регионах мира, может создавать перманентные угрозы для сохранения социальной стабильности и выступать сдерживающим фактором любых модернизационных процессов, в т. ч. имеющих отношение к развитию туристической отрасли.

Не является исключением в этом плане и Дагестан. Вплоть до 2013 года в Республике Дагестан наблюдалась активность международных террористических и экстремистских организаций, которые занимались вымогательством, убийством и похищением людей, продвигая среди местного населения радикально-консервативные идеи. После ввода российских войск в Сирийскую арабскую республику, стабилизации политической обстановки в этом регионе, а также проведения некоторой оперативно-следственной работы в Дагестане, ситуация с религиозно-политическим экстремизмом в республике значительно улучшилась. Это поспособствовало улучшению общего информационного и криминогенного фона вокруг Дагестана.

Начиная с 2015 года статистические данные показывают более динамичный прирост туристических потоков (рис. 1), и туристы в этом смысле являются «лакмусовой бумагой» стабилизации ситуации в регионе.

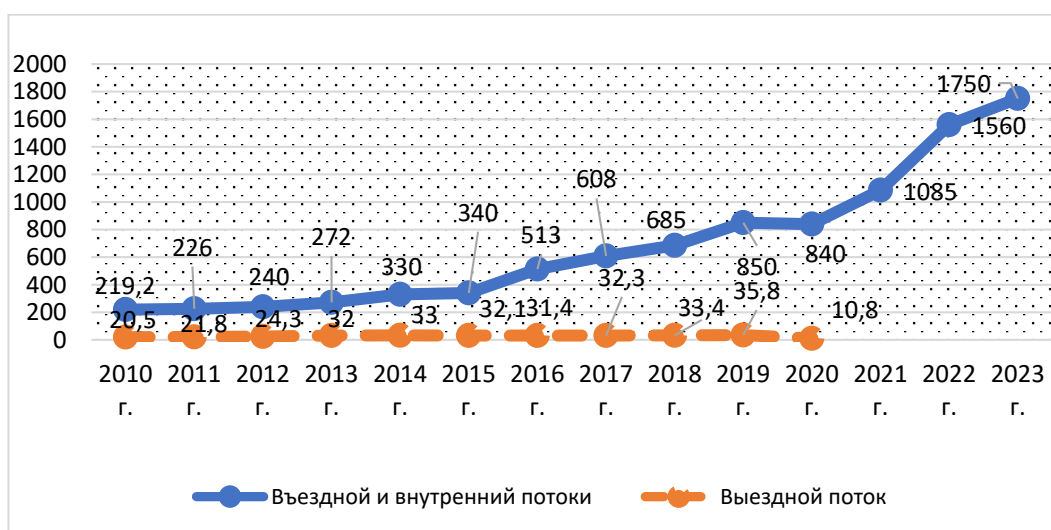


Рис 1. Динамика турпотоков в Республике Дагестан с 2010 г по 2023 гг. (в тыс. чел)

В 2021 году в Дагестане наблюдался рост туристических потоков из российских регионов. Консервативно настроенные граждане, используя исламскую риторику, вступали в открытый конфликт с приезжими по поводу оценочных суждений дресс-кода. И хотя это были единичные случаи, тем не менее, в сети растиражировано большое количество различных негативных комментариев и видеороликов⁴. Кузеева З.З. объясняет это тем, что «местные жители Дагестана скорее всего испытывают тревогу, что с большим потоком людей республика может потерять свою самобытность, свою колоритную культуру, и агрессия здесь как первая реакция на непривычные действия, является своего рода защитной броней» [7, с. 141].

Мусульманским регионам, занимающимся развитием туризма, всегда следует учитывать печальный опыт Египта, когда на волне социальных протестов под лозунгами «наведения порядка в туристической сфере», а именно переориентации этой сферы экономики на более приемлемый вид туризма с точки зрения исламских канонов, в ходе избирательной кампании 2011 года к власти в стране пришли представители радикального движения «Братья мусульмане».

Иорданский сценарий. Аналогичные дагестанским проблемы были в 2009 году зафиксированы и в Иордании. Здесь также наблюдались различные формы недовольства среди местного мусульманского населения на фоне резкого роста турпотоков: с 2 384 474 туристов в 2002 г. до 7 100 503 – в 2008 г. [16, с. 93]. Статистика посещаемых мест показывает, что туристические интересы здесь в основном были сосредоточены на экзотических, религиозных и археологических достопримечательностях, в основном массиве поселений Иордании. Несмотря на это, основное внимание со стороны властей было направлено на удовлетворение потребностей туристов, а не на местную инфраструктуру и общественные услуги, что вызывало сильное чувство недовольства, а в некоторых случаях и конфликты между принимающей общиной и местными властями [16, с. 93].

Помимо нехватки сельскохозяйственной продукции из-за просчётов во внутренней политике, иорданское правительство столкнулось с трудностями в обеспечении производственных секторов, также, «никаких существенных мер по улучшению первичной инфраструктуры в городских жилых районах и кварталах трущоб предпринято не было» [16, с. 95]. Не была решена и проблема с безработицей в туристических районах страны, которая здесь была в два раза выше, чем в целом по стране. Так, в туристическом регионе Акаба в 2002 году на 85 000 населения безработными были около 15 %, (по сравнению с 7,14 % в целом по стране), а в 2007 г. около – 11,7 %. Поэтому обсуждаемые нами проблемы лежат в плоскости не только идеологических разногласий, но и социально-экономических, а именно рационального использования доходов, поступающих от туристического сектора, и существующего в контексте этого конфликта интересов между частными предпринимателями, вовлечёнными в туристическую индустрию и местным населением.

В Иордании, как и в Дагестане, жители сельской местности и пустыни руководствуются строгими консервативными традициями, на которые влияют исламские принципы и обычаи. И при этом они, по отзывам приезжающих, отличаются исключительным гостеприимством и щедростью. В действительности предмет конфликта здесь существует не столько между туристами и местными жителями, сколько между населением и властями, которые не смогли использовать туризм в качестве драйвера экономического развития в регионе. Повсеместно при грамотно выстроенной

⁴ Побывавшие в Дагестане россияне рассказали об упреках со стороны местных жителей / Lenta.ru. 8 ноября 2022. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/11/08/dagestan/?ysclid=lwmhm2vnkc31440021>

экономической политике туризм должен давать мультипликативный эффект: улучшать инфраструктуру, поддерживать в хорошем состоянии местные достопримечательности, стимулировать развитие строительства, пищевой и транспортной отраслей, народных художественных промыслов, производства сувенирной продукции, а в сегменте трудоустройства коэффициент занятости должен составлять на 1 туриста – 4 трудоустроенных местных жителя.

В ряде случаев некоторая удалённость туристических объектов от населённых пунктов при недостаточном понимании со стороны властей туристического потенциала вынуждает идти по пути создания наиболее благоприятных условий именно для туристов, вызывая раздражение у местных жителей. Например, в той же Иордании автобусные стоянки, зоны отдыха, коммерческие лавки с сувенирной продукцией и т. д., размещены для удобства туристов недалеко от самого туристического объекта, как в случае с Джерашем, что не позволяет посетителям попасть в сам населённый пункт, где местные жители могли бы предложить свои товары. Лишь немногие, кто непосредственно вовлечён в процесс, имеют возможность извлечь из этого материальную выгоду. Гораздо выгоднее, как в случае со старым центром Мадабы, когда «туристы обязаны въезжать в центр города, потому что все исторические здания расположены в пределах центра» [16, с. 95], как и в дагестанском Дербенте.

Аналогичная ситуация сложилась и в другом иорданском городе – Петре, расположенном в долине Аравы, в узком каньоне Сик. В 2009 году лидер местной общины во время семинара Иорданской инженерной ассоциации осудил администрацию города «за непрозрачность в распределении прибыли, полученной от туризма» [16, с. 96]. Петра является центром притяжения для многих туристов и правительство Иордании активно вкладывается в развитие городской инфраструктуры. Так, с 2004 по 2009 гг. местные власти Петры «инвестировали 23 миллиона долларов США в развитие улиц, садов и сферы услуг» [20]. Но и здесь речь идёт о создании благоприятных условий для туристов, а не местных жителей. В другом иорданском туристическом городе – Вади Муса местные власти также проигнорировали «насущные потребности инфраструктуры города с точки зрения его гидрогеологии, восстановления трещин и общественных служб» [16, с. 96].

Предпринимаемые правительством меры в сфере туризма и урбанизации повлияли на социальную структуру населения, а именно, сократилось число занятых в сельском хозяйстве: в 2006 году их доля снизилась до 3,1 % <...>. 24 % из них составляли работники, прибывшие из других стран» [22]. Стремительная урбанизация сельских районов Иордании вынудила ЮНЕСКО принять декларацию о признании нематериальной культуры бедуинов Петры и Вади-Рам в 2005 году достоянием человечества. Как отмечает Ахмед абу Аль-Хайджа, в результате такого стремительного вовлечения бедуинских народов в туристический сектор, по наблюдениям исследователей внутри иорданского общества, возникло «парадоксальное противоречие между мужчинами и женщинами некоторых общин бедуинов после опыта работы с западными туристами в районе Петры. Мужчины носят западную одежду, говорят на разных языках и используют западные способы общения, в то время как женщины продолжают носить традиционную одежду, говорят на бедуинском диалекте и общаются в соответствии со своей традиционной культурой и формой самовыражения» [16, с. 96]. Это соответственно привело ещё к одному виду конфликта, в той или иной степени связанному с туризмом и затрагивающему семью изнутри, когда «мужчины, столкнувшись с чем-то чуждым, теперь имеют несколько иные ценности, чем их родственницы-женщины, которые не сталкивались с таким же воздействием» [16, с. 96].

Другая проблема – реконструкция аутентичных пространств под нужды туристов, т. е. перестройка некоторых традиционных городских и сельских центров, частных зданий и

социальных агломераций в туристические курорты, отели, мастерские народного промысла и т. д., когда целые традиционные деревни перестраивались в туристические этнодеревни без учета интересов традиционно ориентированной социальной структуры. Для создания этих этнодеревень правительство шло на непопулярные меры, такие как переселение местных жителей в другие места. Например, опыт деревни Тайбет-Заман, расположенной в 10 км от места археологических раскопок в Петре, лишившейся своей собственности без каких-либо экономических выгод и используемой в качестве туристического объекта, был признан негативным, поскольку это спровоцировало протестные настроения бывших жителей.

Это те самые случаи, когда, желая развивать у себя в регионе туризм, местная администрация идет на меры, ставящие под удар саму отрасль, дискредитирующие её, превращая в источник социального напряжения. Так же, как это делается сегодня в Дагестане. В Иордании работа над развитием туристического сегмента была сосредоточена главным образом на благоустройстве туристической инфраструктуры: туристических троп, панорамных смотровых площадок, на превращении проезжей части в пешеходные зоны и зоны рекреации, старых домов в дома-музеи и т. д. Всё это являлось для Иордании лишь поверхностным, «косметическим» инфраструктурным решением «без серьезных попыток создания инструментов, систем или практик, связанных с наследием, которые обеспечивали бы непрерывность городского обновления и участие сообщества в долгосрочной перспективе» [19, с. 300].

Опыт Иордании показывает, что без решения проблем, значимых для местного населения, вопросы обеспечения безопасности туристов и стабильности политической ситуации в регионе решить невозможно. Никакая пропаганда толерантного отношения к приезжим и взывание к общечеловеческим гуманистическим ценностям не помогут. Устойчивость развития туризма в Дагестане зависит от стабильной политической обстановки на всём Кавказе, который остаётся, пользуясь терминологией геополитики, «мягким подбрюшьем» России.

Стабильность политической обстановки в регионе в свою очередь зависит от уровня поддержки местным населением институтов власти. Чувствительность российских туристов к политическим проблемам на Северном Кавказе и в частности в Дагестане весьма велика, в особенности в условиях любого проявления антагонизма в их адрес, что может привести к их переориентации на другие туристические направления: Краснодар, Крым и др. Поэтому важно, чтобы не только бизнес извлекал прибыль из этой сферы, но и решались социально-экономические проблемы местных общин. И если для представителей бизнеса объекты культурного наследия являются прежде всего туристическими объектами, то для местных общин они представляют собой аутентичные пространства: места силы, духовные истоки и т. д. Поэтому модернизация туристических культурно-исторических объектов должна осуществляться «снизу вверх», через инициативы местного населения, которое не должно рассматривать данный процесс как новую форму «колонизации» их территории, а осознавать свою роль хозяйствующего субъекта, вовлеченного в создание надлежащей окружающей среды, её благоустройство, и «оживление» истории с целью укрепления чувства этноконфессиональной и этнотерриториальной принадлежности, а также социальной сплоченности.

Ещё одна, схожая с дагестанской проблема – потребление питьевой воды в Иордании, вызывавшая раздражение местных жителей. Иордания является второй страной в мире с наибольшим дефицитом воды. Так, «в 2017 году годовой объем осадков в стране составил 8165 млн кубометров, из которых 93,5 % приходится на испарение, в то время как 2,1 % приходится на наводнения, а 4,4 % – на подпитку грунтовыми водами» [17, с. 38]. Помимо природно-климатических причин, огромной проблемой в Иордании являются

коммерческие потери воды, в том числе забор воды из несанкционированных колодцев, не приносящих доход, беженцы, пребывающие в стране с начала сирийского конфликта, нестабильность водоснабжения, отсутствие возможностей улучшения инфраструктуры водоснабжения из-за низких тарифов и задолженностей по оплате за поставляемую в цистернах воду из-за низкого уровня жизни местного населения. «В Аммане, например, вода подается в жилые районы один или максимум два раза в неделю..., в то время как вода в роскошных бассейнах регулярно пополняется в пятизвездочных туристических отелях» [16, с. 98]. Всё это создаёт дополнительное социальное напряжение среди местного населения.

В Дагестане нет таких серьёзных проблем с водой, как в Иордании, однако здесь они тоже имеются и лежат в плоскости эксплуатации коммунальной инфраструктуры, доставшейся ещё с советского времени, которая по некоторым оценкам на 2023 год изношена на 75–85 %⁵. По этой причине из-за частых аварий на подстанциях водо-, электро- и газоснабжения в населённых пунктах Дагестана происходят массовые уличные беспорядки⁶, втягивающие дагестанцев в водоворот противостояния с действующей властью, которая не может по разным причинам решить эту проблему коренным образом, и тем самым усугубляет протестные настроения в обществе. Правительство и научное сообщество почему-то не измеряют в рамках социометрии глубину и характер этих социальных протестных настроений. А зря. Налицо – закрепление уличных протестов и массовых беспорядков в качестве формы коммуникации и/или взаимодействия общества с властью как устоявшейся, «привычной» модели, и демонстрация реактивного медиаповедения у пассионарной части дагестанского общества. В итоге – протестные настроения получившие кумулятивный эффект в виде различных уродливых социальных проявлений, основательно «облагороженных» исламскими лозунгами, как например, то, что вечером 29 октября 2023 года наблюдал весь мир – погром в махачкалинском аэропорту «Уйташ», вошедший в Википедию как «Антисемитские беспорядки в аэропорту Махачкалы», произошедшие «на почве исламского антисемитизма»⁷, которого в Дагестане попросту не может быть в силу множества историко-культурных причин.

Что делать с раздражающим фактором – дресс-кодом? Проблема соблюдения дресс-кода приезжими немусульманами существует повсеместно в мусульманских регионах мира. Изучая зарубежный опыт, следует обратить внимание на разработанные туроператорами рекомендации по посещению некоторых стран мира, в т. ч. мусульманских государств. Так, «некоторые мусульманские страны Северной Африки и большинство

⁵ В Минэнерго Дагестана сообщили, что коммунальная инфраструктура изношена на 75–85 % // ТАСС. 18 августа 2023. <https://tass.ru/obshchestvo/18539901?ysclid=ly1lg01894320458879>

⁶ Например: Жители Махачкалы, оставшиеся без газа, устроили митинг // сайт Аргументы и факты. 02.12.2021. https://dag.aif.ru/incidents/zhiteli_mahachkaly_ostavshiesya_bez_gaza_ustroili_miting; В Дагестане с 7 августа стоит 40-градусная жара. Население нескольких городов и районов республики осталось без электричества. Власти объявляли о временных отключениях света из-за аномальной погоды / Сайт РБК. 10 авг. 2023, https://www.rbc.ru/politics/10/08/2023/64d3fd0a9a794733527f0824?from=materials_on_subject; Жители Махачкалы вышли на акцию протеста из-за трехдневных отключений света // Сайт. Кавказ. Реалии. Июнь 30, 2024. <https://d1dctevdgtwfk.cloudfront.net/a/zhiteli-mahachkaly-vyshli-na-aktsiyu-protesta-iz-za-trehdnevnyh-otklyucheniya-sveta/33014332.html>

⁷ Антисемитские беспорядки в аэропорту Махачкалы // Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BA%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8D%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%83%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%87%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8B>

стран Ближнего Востока известны тем, что там не только требуют соблюдения принятого дресс-кода от туристов, но и могут привлечь нарушителей к административной или уголовной ответственности» [7, с. 130]. Как и в Дагестане, там отмечаются эпизоды, когда местные граждане могут подойти к туристке и сделать замечание по поводу непокрытой головы или слишком глубокого декольте и т. д.

Это касается не только мусульманских регионов. Перед посещением культовых мест вне зависимости от региона, также рекомендуется взять с собой надлежащую одежду, иначе вход будет воспрещён. Ещё в 2016 году министр культуры и туризма Индии Махеш Шарма заявил, что «иностранным туристкам не рекомендуется надевать юбки во время посещения небольших городов». Ещё один пример можно привести в отношении внешнего облика туристов в Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратах, где нельзя открывать руки, ноги и шею даже мужчинам, и в страну могут просто не пустить ещё на границе.

Заключение

Любой российский мусульманский город как туристическая дестинация нуждается в хорошо продуманной концепции своего развития, а также проведении всесторонней разъяснительной работы среди местного населения принимающей стороны на предмет целесообразности развития туризма в регионе. С учетом имеющегося опыта развития туризма в других мусульманских регионах мира, в том числе и Иордании, в Дагестане необходимо пересмотреть систему муниципального планирования в концепции развития туризма в сторону увеличения уровня вовлечения местного населения в этот сегмент экономики; более сбалансированных инвестиций для снижения социально-экономической дифференциации между городом и селом, туристическими и нетуристическими пространствами; введения значительных налоговых послаблений для местных жителей, предлагающих свои бизнес-услуги в отдалённых от населённых пунктов туристических объектах.

Важным подспорьем может стать и популяризация среди населения собственной этнической культуры, её истории, традиций, ценностей (без перегибов в сторону национализма), не только в её нематериальных но и материальных аспектах. Последнее может поспособствовать продвижению народных художественных промыслов. Полезной может оказаться и осведомлённость местного населения о современных тенденциях развития туристической отрасли в формате публичных лекций для понимания потенциальных возможностей применения своих навыков и ресурсов. Это позволит более динамично приобщать местное население к развитию туризма в регионе.

Литература

1. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М.: Наука, 1988. – 237 с.
2. *Альжанов А.М., Туманик А.Г.* Основные этапы и памятники истории мусульманской культовой архитектуры // Творчество и современность. 2018. № 1 (5). – С. 7–11.
3. *Бахтияров А.А.* Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни. – Л.: РИА «Ферт», 1994. – 224 с.
4. *Берснева И.В.* Мусульманские общины столичных городов России в XIV – начале XX веков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1–1. – С. 12–16
5. *Брюханова Е.А., Неженцева Н.В., Чекрыжова О.И.* Мусульманское население в городах Сибири: по материалам переписи 1897 года // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6, № 4 (24). – С. 135–154.

6. Вебер М. Образ общества. Избранное: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
7. Гусенова Д.А. Почему торговля является наиболее одобряемым видом хозяйствования в исламе? // Kant. 2020. № 3 (36). – С. 125–129.
8. Кузеева З.З. Дагестанский туризм и дресс-код // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тез. докл. участ. IX Межд. науч. форума (Краснодар, 21–24 сентября 2023 г.). – М.: Институт наследия, 2023. – 246 с.
9. Надырова Х.Г. Средневековые «исламские» города в зарубежной историографии // Известия КазГАСУ. 2011. № 1 (15). – С. 46–50.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. – СПб: Изд. Центр. Стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1897–1905. Т. 24. – С. 237.
11. Рыбак Д. Побывавшие в Дагестане россияне рассказали об упреках со стороны местных жителей / Lenta.ru. 8 ноября 2022. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/11/08/dagestan/?ysclid=lwmhm2vnkc31440021>
12. Сефербеков Р.И. Современная культура питания сельского населения Дагестана: традиционное и новое // Вестник Дагестанского государственного университета Сер. 2. Гуманитарные науки. 2022. Т. 37, вып. 1. – С. 7–23.
13. Сефербеков Р.И., Булатов Б.Б., Зильпукарова Э.М.-Г., Гасанова М.А., Сефербеков М.Р. Антропология дагестанского города: влияние глобализации на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период. – 2-е изд., доп. – Махачкала: Алеф, 2022. – 312 с.
14. Стародуб Т.Х. Мусульманские культовые здания в системе средневекового арабского города // Городская художественная культура Востока: сб. ст. Гос. музея искусства народов Востока. – М., 1990. – С. 190–200.
15. Шейбак В.В., Рахимова Н.Н. Аспекты безопасности россиянина, выезжающего за границу // Актуальные проблемы геологии, географии, техносферной и экологической безопасности: сборник статей XLIII Студенческой научной конференция геолого-географического факультета. – Оренбург: ИП Востриков К «Полиарт», 2021. – С. 128–132.
16. Ahmed Abu Al Haija. Jordan: Tourism and conflict with local communities // Habitat International. 2011, no. 35. – Pp. 93–100.
17. Atef Al-Kharabsheh. Challenges to Sustainable Water Management in Jordan // Jordan Journal of Earth and Environmental Sciences. 2020, no. 11 (1). – Pp. 38–48.
18. Bosworth C.E. Historic Cities of the Islamic World. – Leiden, Brill, 2007. – P. 615.
19. Daher R. Urban regeneration/heritage tourism endeavours: the case of salt, Jordan “Local Actors, International Donors, and the State” // International Journal Heritage Studies, September, 2005, № 11(4). – Pp. 289–308.
20. Hamdouni H. Petra region and transportation (trans.), in the workshop of Petra infrastructure and tourism. Jordan: Jordanian Engineering Association, 2009.
21. Moser S. New Cities in the Muslim World: The Cultural Politics of Planning an ‘Islamic’ City // Hopkins, P., Kong, L., Olson, E. (ed.) Religion and Place. Landscape, Politics and Piety. – London: Springer, Dordrecht. 2013. – Pp 39–55.
22. Shtewi M. Overview on labour force in Jordan, in the seminar: Labour force in Jordan and future horizons. – Jordan: Philadelphia University, 2008.

References

1. 1. Aglarov M.A. *Rural life in Nagorno-Karabakh in the 17th – early 19th centuries*. Moscow. Nauka, 1988. – 237 p. (In Russian)

2. Alzhanov A.M., Tumanik A. G. The main stages and monuments of the history of Muslim cult architecture. *Creativity and Modernity*. 2018, no. 1 (5). – Pp. 7–11. (In Russian)
3. Bakhtiyarov A.A. *The Belly of St. Petersburg. Essays on metropolitan life*. Leningrad, RIA Fert, 1994. – 224 p. (In Russian)
4. Bersneva I.V. Muslim communities in Russian capital cities in the 14th – early 20th centuries. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019, no. 1–1. – Pp. 12–16. (In Russian)
5. Bryukhanova E.A., Nezhentseva N.V., Chekryzhova O.I. The Muslim population in the cities of Siberia: based on the census of 1897. *Journal of Frontier Studies*. 2021. Vol. 6, no. 4 (24). – Pp. 135–154. (In Russian)
6. Weber M. *Favorites. The Image of Society*. Transl. from German. – Moscow. Yurist, 1994. – 704 p. (In Russian)
7. Gusenova D.A. Why is trade the only type of activity in Russia? *KANT* 2020, no. 3 (36). – Pp. 125–129. (In Russian)
8. Kuzeeva Z.Z. Dagestan tourism and dress code. *Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony: programme and proceedings of the 9th International Academic Forum (Krasnodar, September 21-24, 2023)*. Moscow. Institut Naslediya, 2023. – 246 p. (In Russian)
9. Nadyrova H.G. Medieval “Islamic” cities in Western historiography. *Izvestia KazGASU*, 2011, no. 1 (15). – Pp. 46–50. (In Russian)
10. *The first General Population Census of the Russian Empire. St. Petersburg: Publishing House of the Center. Stat. by the Committee of the Ministry of Internal Affairs*. 1897–1905. Vol. 24. – P. 237. (In Russian)
11. Rybak D. *People who visited Dagestan speak about rebukes on the part of the local population*. Lenta.ru. November 8, 2022. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/08/dagestan/?ysclid=lwmhm2vnkc31440021>
12. Seferbekov R.I. Modern food culture of the rural population of Dagestan: the traditional and new. *Bulletin of Dagestan State University Series 2. Humanities*. 2022. Vol. 37. Is. 1. – Pp. 7–23. (In Russian)
13. Seferbekov R.I., Bulatov B.B., Zulpukarova E.M.-G., Gasanova M.A., Seferbekov M.R. *Anthropology of the Dagestani city: the influence of globalization on the transformation of culture and everyday life of Dagestani citizens in the post-Soviet period. 2nd additional edition*. Makhachkala: Alef, 2022. – 312 p. (In Russian)
14. Starodub T.H. Muslim religious buildings in the system of a medieval Arab city. *Urban art culture of the East: collection of the State Museum of Art of the Peoples of the East*. – Moscow, 1990. – Pp. 190–200. (In Russian)
15. Sheibak V., Rakhimova N.N. The aspects of safety of Russians citizens traveling abroad. *Topical problems of geology, geography, technosphere and environmental safety: collection of articles of the XLIII Students’ Academic Conference of the Faculty of Geology and Geography*. – Orenburg: IP Vostrikov K “Polyart”, 2021. – Pp. 128–132. (In Russian)
16. Ahmed Abu Al-Haya. Jordan: Tourism and conflicts with local communities. *Habitat International*. 2011, no. 35. – Pp. 93–100.
17. Atef Al-Kharabshe. Problems of sustainable water resources management in Jordan. *Jordanian Journal of Earth and Environmental Sciences*. 2020, no. 11 (1). – Pp. 38–48.
18. Bosworth K.E. *Historical cities of the Islamic world*. – Leiden, Brill, 2007. – 615 p.
19. Daher R. Urban Regeneration/Cultural tourism projects: the example of Salt, Jordan “Local participants, international donors and the State”. *International Journal of Heritage Studies*. September 2005, no. 11 (4). – Pp. 289–308.

20. Khamduni H. *Petra region and Transport (lane), at the seminar "Infrastructure and Tourism of Petra"*. – Jordan: Jordan Engineering Association, 2009.

21. Moser S. New Cities in the Muslim World: the cultural policy of planning an "Islamic" City. In: Hopkins P., Kong L., Olson E. *Religion and Place. Landscape, politics and piety*. – London. Springer, dordrecht. 2013. – 236 p.

22. Shtevi M. *Overview of the labor force in Jordan at the seminar "Labor force in Jordan and prospects for the future"*. – Jordan: University of Philadelphia, 2008.